

Младшая Ли-ши рядом начала нервничать. Она заискивающе улыбнулась Лю Яоцину и сказала:

— Цин-гэр, у тебя ведь есть лепешки, помидоры и, как я слышала, даже томатный соус. Если бы ты достал немного, нашу семью бы не стали презирать, и невеста точно бы не убежала.

Раньше таким вещам не придавали значения, Лю Цюаньцзинь и Ли-ши сами бы достали всё лучшее из дома. Они были такими людьми — в их головах не было ничего, кроме желания угодить другим.

Как только младшая Ли-ши открыла рот, Лю Цюаньцзинь уже готов был согласиться, но, открыв рот, вспомнил, что сейчас Лю Яоцин его не слушает, и те вещи, вероятно, потребуют его одобрения.

— Дедушка, бабушка, это ваше желание? — Лю Яоцин повернулся к старику Лю.

Старик Лю и Ли-ши до сих пор молчали, не желая признавать это, но всё же надеясь, что Лю Яоцин поделится. В глазах Лю Яоцина это выглядело лицемерием: они хотели сохранить лицо, но при этом получить то, что им нужно. Только такие, как Лю Цюаньцзинь и Ли-ши, могли позволить себя обманывать. Если бы это был Лю Яоцин, он бы заставил их высказываться напрямую.

Под давлением Лю Яоцина старик Лю, несмотря на свой возраст, почувствовал себя униженным. Но внучка, которую он присмотрел, была хороша, и, если бы у Лю Яоцина были те вещи, свадьба бы точно состоялась.

Стукнув трубкой о край стола, чтобы выбить пепел, старик Лю произнес:

— Цин-гэр, разбирайся сам.

Он всё же не мог опуститься до того, чтобы просто взять вещи, но всё же хотел их. Это было чистое лицемерие.

Они просто пользовались своим положением старших, с детства вбивая в голову Лю Цюаньцзиня идею о сыновней почтительности. Это было отвратительно. Лю Яоцин считал, что старики в этой семье держат в руках ножи, которыми они рубят не Лю Цюаньфу, который не проявляет сыновней почтительности, а Лю Цюаньцзиня, который покорно терпит. Удар за ударом, кровь льётся, а они всё улыбаются.

Посмотрите, как живёт Лю Цюаньфу — делает что хочет, почти не работает в поле, а Лю Цюаньцзинь каждый день копается в земле, работает до изнеможения, а весь урожай забирают старики, а потом, словно милостыню, раздают всем.

— У дверей дома Чжэцзы-гэ висит бумага с ценами. Сколько хочешь — столько и возмёшь, но с пустыми руками идти нельзя, — строго сказал Лю Яоцин. — Даже я не могу позволить себе такую вольность. Если об этом узнают, подумают, что мы любим халяву, и начнут нас презирать.

Лицо Ли-ши сразу потемнело. Она никогда не думала о том, чтобы отдавать деньги, да ещё и в руки Лю Яоцина.

— У дяди ведь тоже есть деньги, на выпивку в прежнее время он тратил немало, — Лю Яоцин повернулся к Лю Цюаньфу. — Если дедушка и бабушка хотят, чтобы я что-то отдал, у меня

ничего нет. Хотя я каждый день работаю в доме Чжэцзы-гэ, у меня нет столько денег, чтобы всё это покрыть.

Собранные в поле помидоры и упакованные лепешки, занесённые в дом, были записаны в учёт. Позже их нужно будет проверить вместе с деньгами. Это правило ввёл Лю Яоцин, чтобы не запутаться в расчётах.

Конечно, что-то оставалось для личного употребления, но Лю Яоцин не собирался просто так делиться.

Старик Лю и Лю Цюаньфу, вероятно, думали, что могут спокойно пользоваться вещами, которые приносит Лю Яоцин, но на этот раз это не сработало.

Раньше Лю Яоцин приносил домой помидоры, лепешки и даже мясо, чтобы Ли-ши могла поесть, а также чтобы показать деревне, что он почтительный сын. Всё зависело от его желания, но если бы его заставляли, то это было бы невозможно.

Увидев, как лицо старика Лю потемнело, Лю Цюаньфу тоже нахмурился, постоянно поглядывая на Лю Цюаньцзиня. Лю Яоцину это надоело, и он повернулся к Ли-ши:

— Мама, ты и тётя пойдите помогите в доме Чжэцзы-гэ, там сейчас много работы. Папа, у Чжэцзы-гэ много земли, он не справится, иди помоги ему присмотреть.

С Чжэцзы-гэ, чужим человеком, Лю Цюаньцзинь был очень сговорчив. Хотя он не разбирался в других делах, он хорошо знал, как работать в поле. Посмотрев на остальных, он встал и ушёл.

Когда Лю Яоцин тоже вышел, старик Лю спросил Ли-ши:

— Сколько денег у нас дома?

— Разве ты сам не знаешь? — Ли-ши обычно не тратила деньги, да и домашние финансы всегда были на виду, так что старик Лю точно знал, сколько их было. — Скоро нужно будет устраивать свадьбу Чжун-гэ, а потом Чжэн-гэ и Мин-гэ подрастут, и им тоже нужно будет жениться.

— И Хуэй-гэ, — добавил старик Лю, вздохнув.

Денег в доме не хватит даже на покупку земли, не говоря уже о свадьбах для всех детей.

— У старшей невестки есть приданое, пусть отдаст, — Ли-ши давно всё обдумала. Хуэй-гэ был из третьей ветви семьи, и она не собиралась тратить на него ни копейки. Пусть Ли-ши отдаст своё приданое, а когда Хуэй-гэ женится, в доме прибавится человек, и он останется частью семьи Лю.

Теперь лепешки продавались без проблем, заказы были стабильны, и Лю Яоцин попросил Сюань-гэ и нескольких знакомых женщин каждый день приходить и печь лепешки. Он хотел, чтобы Сюань-гэ взял на себя управление этим процессом, и тот, понимая это, старался изо всех сил, постепенно перенимая манеру Лю Яоцина и становясь всё более уверенным.

Помидоров собирали всё меньше, их превращали в томатный соус и хранили в доме. Это тоже приносило доход.

Лю Яоцин пошёл в поле, чтобы проверить помидоры. Казалось, их время прошло, и землю нужно было оставить отдыхать до следующего года.

Другой вид растений, который вырос из семян, Лю Яоцин тоже знал, но никогда не думал, что у них есть семена. В последнее время он размышлял об этом и начал понимать.

В прошлой жизни он видел, что их размножали корнями, чтобы сохранить качество исходного растения. Если же они опылялись и образовывали семена, генетический материал смешивался, и качество семян становилось нестабильным, что влияло на урожай.

Если был выбор, всегда предпочитали размножение корнями, но размножение семенами тоже существовало.

Это было подготовлено всей семьёй, и Лю Яоцин не знал, как это происходило, но полностью доверял своей прошлой семье. И саженцы, выросшие из этих семян, не разочаровали его.

Когда помидоры стали исчезать, Лю Яоцин попросил Су Ци и других удобрить соседнее поле. Теперь на многих грядках появились трещины.

Раздвинув одну из них, Лю Яоцин увидел, как быстро растёт картофель. Он попросил Су Ци следить за округой, чтобы никто не заметил, и сам аккуратно достал пять картофелин.

Каждая была размером с половину ладони и тяжёлой. Глядя на огромное поле, Лю Яоцин понял, что урожай будет обильным.

В отличие от помидоров, картофель можно было использовать как основной продукт питания, и его урожайность была очень высокой, сравнимой с просом. Если бы Лю Яоцин так же беззаботно выставил его на всеобщее обозрение, это могло бы вызвать большие проблемы.

Спрятав пять картофелин, Лю Яоцин пошёл обратно и по дороге встретил Чжэцзы. С серьёзным выражением лица он позвал его домой.

Войдя в дом и закрыв дверь, Лю Яоцин достал пять картофелин:

— Чжэцзы-гэ, это добро. Но мы не можем просто так его показать, будут большие неприятности.

Перед уходом Лю Яоцин зашёл в дом пятого дяди, но ничего конкретного не сказал. Как и с помидорами, он давал по одному растению каждой семье, если их рекомендовали четыре других семьи. Условием было, чтобы картофель не выкапывали раньше времени, и только он решал, когда это делать.

Снова предлагая выгоду, Лю Яоцин дал несколько спелых помидоров, которые уже были собраны деревенскими жителями. Они аккуратно извлекли семена, чтобы посадить их в следующем году.

В последнее время в деревню приходили чужие люди, и все они направлялись в дом Лю Яоцина, чтобы посмотреть, как красные помидоры превращались в деньги. Все завидовали, но, получив семена от Лю Яоцина, они не могли открыто выражать свою зависть, иначе их бы осудили.